

119 ЯНВ 1982

ДАВНО я заметил одну, казалось бы, странную закономерность: среди сатириков нередко встречаешь людей мягких, деликатных, даже застенчивых в обиходе. Одним словом, добрых людей. Но, пожалуй, это весьма естественная закономерность. Только добрый человек может всерьез рассердиться. Злой же находится в этом состоянии непрерывно. Вот почему резкое слово именно доброго человека обращает на себя наше внимание.

В беседах с Геннадием Михайловичем Дудником мне прочно врезалась в память одна его фраза: «На фронте я не встречал плохих людей». Видимо, те военные годы и заложили в нем обостренное чувство доброго отношения к людям и не менее обостренное ощущение зла, несправедливости. А ведь в этом сдержанном, тихо говорящем человеке, казалось бы, даже трудно предположить нечто колючее, жесткое — то, с чем он выходит на эстраду.

А на эстраде еще в сороковые годы молодой Геннадий Дудник уже с первых шагов получил зрительское признание. А это было ему более чем нелегко. Он выходил на подмостки в очередь с Хенкиным, Абдуловым, Смирновым-Сокольским. Но даже в этом параде корифеев зритель мгновенно отметил и полюбил Геннадия Дудника.

В нем дорога мгновенность, точность, импровизация, поразительная «актерская техника, прямо от рождения». И убедительность. Дудник выходит на эстраду, он еще молчит, а действие уже началось, вы уже приобщены, вы «в нерве», в предвкушении.

Эстрада трудна жестким требованием точности. И от «разговорника» она требует в не меньшей степени, чем от жонглера, от эквилибриста. Здесь тоже каждое неточное движение чревато «падением». Мы как-то с Геннадием Михайловичем затеяли что-то вроде актерской игры. Он брал один из своих номеров и начинал его «перекраивать», персонаж раскрывался новыми гранями, и текст вдруг начинал буквально сверкать новыми красками. И все это делалось свободно, весело, раскованно. До чего же неистощим запас фантазии артиста!

Мы, словно уже по привычке, сетуем на качество эстрадных текстов, хотя у нас есть прекрасные авторы: Жванецкий, Арканов, Хайт... Но уж с актерским мастерством на эстраде дело обстоит действительно не самым лучшим образом. Иного спасают нехитрые репризы или пусть непохожая, но пародия на известного артиста. У Дудника тексты хороши, и он, как правило, их автор. Но главное для него — актерские средства. Есть у него, например, монолог браконьера.

— Понимаете, когда я играю браконьера, я должен чувствовать запах рыбей чешуи, речной тины, а интонации уже сами должны прийти, — объясняет он. — Чем всегда могуч был МХАТ? Умение ощутить и воссоздать атмосферу. Помню, не топлёный зал МХАТа во вре-

люди искусства

В ПЛЕНУ У ЭСТРАДЫ

Э. ГРАФОВ

мя войны. И выходит Тарханов в роли Градобоева: «Фу, жара-то какая!» И в холодном зале возникает ощущение лета. А Лариосик — Яншин вваливался на сцену будто с мороза, и такой свежий зимний воздух врывается с ним!

Дудник — мастер перевоплощения. Когда-то молодой артист Геннадий начинал у Михаила Федоровича Астангова, в театре нефтяной промышленности (был, оказывается, и такой театр!). И вот он решил поразить воображение мэтра. Загримировался перед репетицией до изумления — нос, уши, челюсть, парик. Астангов долго, задумчиво разглядывал его. Потом «проскрипел»: «Геннадий Михайлович, вам не кажется, что надо бы немного загримироваться?» Дудник возмущенно смыл весь грим и, обиженный, вернулся на сцену. «Вот, уже кое-что появилось, видно, что поработали», — даже не улыбнулся Астангов. Не думаю, чтобы именно это стало уроком на всю жизнь. Но способность Дудника перевоплощаться при минимальных внешних средствах поразительна. Не случайно его любимым артистом — Евгений Алексеевич Лебедев.

И вот парадокс мастера эстрады — он до сих пор тоскует по театру.

— Понимаете, в течение всего трех минут мне надо создать образ. Значит, при-

ходится нажимать, утрировать. А в театре — три акта, простор времени. Обстоятельность.

Резон в том есть. Но Дудник многое успевает и за три минуты, до которых он уплотняет свой «театр».

В работе «разговорника» есть еще и такая трудность. В сатире и юморе, как и в медицине, разбираются все. Все точно знают, что можно, а что нельзя, что полезно, а что нет. Вот и возникают громоподобные рулады о домоуправе или вообще просто так, ни о чем. Дудник написал монолог о пьянстве, текст, от которого действительно становится не по себе. И тут же нашлись «осторожные»: «Ну, зачем уж так?!» И только благодаря вмешательству газеты эту яркую работу увидел зритель. Эту нужную работу. Театр, кинематограф выходят на очень злободневный, насыщенный разговор. Зрители спорят, волнуются. А эстрада все еще осаждаст домоуправа и тещу.

Но дело, мне кажется, не только в остроте. Дело еще и в том, что на высшем уровне эстрады утерян вкус к разговорному жанру. Дудника я что-то не припомню в концерте «первого класса» или на всемогущем телевидении. Мелькнул изредка, как мимолетная радость. А уж его коллеги появляются и того

реже. Позволю себе риторический вопрос: а может, исчезла школа, нет достойных мастеров?

— Я все-таки на своем опыте могу иметь суждение примерно за последние тридцать лет. Скажем, Милевский, Шимелов, Дитяев очень интересно работают. Но, понимаете, такие мастера жанра, как Смирнов-Сокольский, Гаркави, Милов, Муравский, задавали тон в самых лучших концертах. А названные мной мои товарищи отодвинуты куда-то на «периферию» эстрады со скромной задачей посмешища. А зритель, поверьте мне, соскучился по умному собеседнику.

Ну, что-то мы загрустили! И это в обществе Геннадия Дудника? Так недолго и в пародию к нему попасть. А вот уж это-то он умеет. Знаете, за что Михаил Михайлович Яншин не принял этого своего любимчика в свой театр? Он сказал — ты дразниться будешь. Борис Николаевич Ливанов, услышав пародию на себя, пришел в ужасную «ливановскую ярость», но очень хохотал и подмигивал, услышав пародию на Астангова.

— Я пародирую только актеров, которых очень люблю. Не без иронии, конечно. Но насчет иронии они и сами хороши. Николай Павлович Смирнов-Сокольский как-то подарил мне старинную книгу «Театральные ошибки» с дарственной надписью: «Дуднику, одной из моих театральных ошибок». А Ливанов чего стоил?! Как-то Борис Николаевич усадил меня перед собой и сказал: «Геннадий, ты — самородок! Ты — неповторимый, грандиозный актер. Лучше тебя нету. Понял? Вот. А теперь, давай, все это говори мне».

Однако поразительный факт: сам Геннадий Михайлович не считает пародирование своей профессией, это просто хобби — повеселить себя, «персонажей», зрителей узнаванием.

Конечно же, пародия на Жарова, Мартинсона, Гарина — это «капустник». И ничего плохого, думаю, в этом нет. Однако вопрос в действительности таится несколько глубже. Настоящая пародия — это Аркадий Райкин, Сергей Образцов. Они пародируют не известную всем личность, а известное всем явление.

Вот по этой стезе идет и Геннадий Дудник. Впрочем, не будем преуменьшать ценности его дара изобразить другого человека. Тут ведь дело не только в том — как, но еще и в том — зачем? Его нынешняя программа «Воспоминания в пародиях» — трепетный рассказ о мастерах все того же обожаемого им МХАТа. Воистину испытываешь некое поразительное ощущение присутствия, осязаемое общения с ушедшими, незабвенными большими мастерами. Это благородная и благодарная работа.

● Артист эстрады Г. Дудник.

Фото А. Копылова